кулакомъ по щеѣ — съ той и платокъ свалился, такъ кубаремъ изъ передней и вылетѣла.

А мужикъ ухмыляется себѣ въ бороду и говоритъ: «Каково мнѣ это, сударь, съ полоумной женой жить. Покаралъ меня Господь.» Пожалѣлъ его баринъ, далъ на чай за безпокойство и отпустилъ по здорову.

И зажилъ послѣ того мужикъ спокойно да богато, скоро въ городъ перебрался, въ купцы записался. А бабѣ съ той поры вовсе вѣрить перестали, такъ за полоумную всѣ и считали.

Сестрица Аленушка и братецъ Иванушка.

Было у царя двое дѣтей: сыночекъ Иванушка, да дочка Аленушка. Умерла царица и взялъ себѣ въ жены царь другую, молодую, красивую. Только мачиха-то была злая колдунья. Не взлюбила она Аленушку съ Иванушкой, стала всячески изводить ихъ, сживать со свѣту бѣлаго. Терпѣли, терпѣли они, пока отецъ былъ живъ, а какъ умеръ, не подъ силу имъ стало, и ушли они разъ ночью изъ дому, куда глаза глядятъ, по бѣлу-свѣту странствовать.

Идетъ сестрица Аленушка съ братцемъ Иванушкой путемъ-дорогою, ночь прошла, ясный день насталъ. Идутъ полями широкими, горами высокими; ни деревца, ни кустика. Солнце огнемъ палитъ, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ. Захотѣлось Иванушкѣ пить, и говоритъ онъ: «Сестрица Аленушка, пить очень хочется.» — «Погоди, братецъ, дойдемъ до колодца, тамъ напьешься.»

Шли, шли,—солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ. Видитъ Иванушка водицу въ коровьемъ копытцѣ. «Сестрица Аленушка, выпью я изъ копытца водицу.»—«Не пей, братецъ, станешь теленочкомъ,» — говоритъ Аленушка. Послушался Иванушка, и пошли дальше.

Идутъ они полями широкими, горами высокими; ни деревца, ни кустика, а солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ. Видитъ Иванушка водицу въ лошадиномъ копытцѣ. «Сестрица Аленушка, напьюсь я изъ копытца.» — «Не пей, братецъ, — жеребеночкомъ сдѣлаешься.» Послушался Иванушка и пошелъ за сестрицей дальше.

Идутъ они, — солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ. Видитъ Иванушка водицу въ козлиномъ копытцѣ, не спросился у Аленушки, припалъ къ копытцу и выпилъ всю воду до дна. Оглянулась Аленушка, кличетъ братца, а Иванушки нѣтъ: вмѣсто него бѣжитъ за ней бѣлый козленочекъ. Какъ увидала Аленушка, что съ братцемъ сталося, залилася слезами горькими, а козленочекъ скачетъ возлѣ нея, рѣзвится. Сняла Аленушка съ себя поясокъ и повела козленочка. Шла она, шла, и скоро очутилась въ дремучемъ лѣсу. Набрела въ томъ лѣсу на пустую избушку и стала въ ней жить съ своимъ братцемъ, козленочкомъ.

Охотился одинъ царевичъ въ томъ лѣсу. Видитъ онъ избушку, слѣзъ съ коня и вошелъ туда. Увидалъ красавицу Аленушку, а съ ней козленочка и спрашиваетъ: «Скажи мнѣ, красавица, какого ты роду, какого племени и зачѣмъ попала ты въ дремучій лѣсъ?»—Отвѣчаетъ ему Аленушка: «Я дочь царская, и зовутъ меня Аленушкой, а козленочекъ — братецъ мой Иванушка. Не взлюбила насъ вѣдьма злая мачиха, ушли мы съ братцемъ изъ родного дома, по бѣлому свѣту странствовать. Наколдовала вѣдьма, навела порчу на воду по дорогѣ, гдѣ мы шли. Не утерпѣлъ мой братецъ Иванушка, напился изъ козлинаго копытца водицы и сталъ козленочкомъ.» Полюбилася царевичу Аленушка, взялъ онъ ее съ собой, прихватилъ и козленочка, и повезъ въ свое царство. Тамъ сыгралъ царевичъ свою свадьбу съ Аленушкой, и стали они всѣ втроемъ съ козленочкомъ жить во дворцѣ;

козленочекъ вмѣстѣ съ ними и ѣстъ и пьетъ и по царскимъ садамъ гуляетъ.

Провѣдала тѣмъ временемъ вѣдьма, злая мачиха, что Аленушка жива и вышла замужъ за царевича, а братецъ ея Иванушка живетъ при нихъ козленочкомъ, и стала придумывать, какъ-бы погубить ихъ обоихъ. Выждала, когда царевичъ уѣхалъ на охоту, пришла во дворецъ и прямо къ Аленушкѣ. А та въ ту пору больна была, въ постели лежала. «Хочешь я тебя, государыня, вылѣчу,—говоритъ вѣдьма.—Ходи по вечернимъ зорямъ купаться на сине море.» Послушалась Аленушка и пошла вечеромъ къ синему морю, а вѣдьма ужь тамъ, ждетъ ее: схватила она Аленушку, навязала ей тяжелый камень на шею и бросила въ воду. Аленушка и пошла ко дну. Увидалъ это козленочекъ, что слѣдомъ за сестрицей къ морю шелъ, заплакалъ горькими слезами и побѣжалъ домой.

«Скажи мнѣ, красавица, какою ты роду, какою племени?»

Воротилась вѣдьма во дворецъ, приняла на себя видъ Аленушки, въ платья ея нарядилась и велѣла слугамъ прогнать изъ дворца козленочка. Какъ пріѣхалъ царевичъ съ охоты, и спрашиваетъ жену: «А гдѣ-же козленочекъ?»—«Я не велѣла его пускать во дворецъ: не мѣсто ему здѣсь,»—отвѣчаетъ вѣдьма. Ничего не сказалъ царевичъ. На другой день, какъ уѣхалъ онъ опять на охоту, велѣла вѣдьма мачиха привести къ себѣ козленочка и стала его бить-колотить, а сама говоритъ: «Погоди, пріѣдетъ царевичъ, буду просить, чтобы тебя зарѣзали.» Козленочекъ ничего сказать не можетъ, только смотритъ жалобно да слезами заливается.

Стала съ тѣхъ поръ злая вѣдьма приставать къ царевичу: «Вели, зарѣзать козленочка, опостылѣлъ онъ мнѣ.» Удивляется царевичъ, что съ женой сдѣлалось: прежде она такъ любила козленочка, а теперь проситъ его зарѣзать. Жалко было царевичу его, да дѣлать нечего, послалъ слугъ искать козленочка.

А козленочекъ, какъ узналъ, что его зарѣзать хотятъ, побѣжалъ къ морю, легъ на бережку и кричитъ жалобно:

«Аленушка, сестрица моя,
Всплыви, всплыви на бѣрежокъ,
Я—братецъ твой Иванушка!
Котлы кипятъ кипучіе,
Огни горятъ горючіе,
Ножи точатъ булатные,
Меня хотятъ зарѣзати.»

А Аленушка отвѣчаетъ ему изъ воды:

«Родной братецъ Иванушка!
Тебѣ тяжко,—мнѣ тошнѣй того:
Тяжелъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли.»

Слушаютъ слуги царевича и диву даются, взяли съ собой козленочка и повели къ царевичу. Разсказали они ему, что слышали; царевичъ не вѣритъ и велитъ отпустить козленочка.

Побѣжалъ козленочекъ опять къ морю, а царевичъ слѣдомъ за нимъ пошелъ и спрятался на берегу за ракитовъ кустъ.

Легъ козленочекъ на бережку и кричитъ жалобно:

«Аленушка, сестрица моя,
Всплыви, всплыви на бе́режокъ,
Я—братецъ твой, Иванушка!
Котлы кипятъ кипучіе,
Огни горятъ горючіе,
Ножи точатъ булатные,
Меня хотятъ зарѣзати.»

А Аленушка изъ воды отвѣчаетъ:

«Родной братецъ Иванушка!
Тебѣ тяжко,—мнѣ тошнѣй того:
Тяжелъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли.»

Услыхалъ царевичъ голосъ Аленушки, побѣжалъ во дворецъ и велитъ людямъ закинуть въ море невода, сѣти шелковыя. Стали люди искать Аленушку и вытащили ее изъ воды съ камнемъ на шеѣ. Вспрыснулъ ее царевичъ живой водой,—встала, ожила Аленушка, бросилась мужу на шею и разсказала ему все про вѣдьму, злую мачиху. Велѣлъ царевичъ схватить мачиху и сжечь живьемъ.

Сожгли слуги вѣдьму, пепелъ по вѣтру разсѣяли. Какъ скрылся изъ глазъ пепелъ злой вѣдьмы,—оборотился козленочекъ Иванушкой, красавцемъ-молодцомъ. Обрадовалась Аленушка своему братцу и стали они вмѣстѣ жить-поживать да добра наживать.